

Максимова Ирина Васильевна

*кандидат исторических наук
Волгоградский государственный медицинский университет*

**ГОРОДСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОЙ ПРЕССЫ). ЧАСТЬ 1¹**

Среди проблем, волнующих специалистов различного уровня, на современном этапе прочное место занимает проблема изучения места и роли преступности в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Повышенный интерес к данному периоду, соответствующему раннеиндустриальной стадии модернизации, закономерен. Обращение к относительно недавнему прошлому и актуальным социальным проблемам тех лет, среди которых преступность занимала одно из первых мест, на наш взгляд, способствует лучшему пониманию специфики развития современной России, вступившей в позднеиндустриальную стадию модернизации².

Проведенный историографический обзор позволил выявить несколько ключевых моментов, которые необходимо учитывать при выстраивании собственных научных изысканий. Во-первых, большинство авторов исходят из того, что общий рост и эволюция различных форм отечественной преступности стали сопутствующим фактором и оборотной стороной модернизационных процессов³. Во-вторых, увеличивается число исследований, рассматривающих преступность как феномен повседневной жизни, в неразрывной

¹ Вниманию читателей предлагается первая часть статьи, включающая в себя краткий обзор историографии вопроса, раскрытие специфики источниковой базы, общую характеристику криминальной ситуации по г. Саратову и Саратовской губернии в целом, собственно анализ освещения на страницах местных газет наиболее распространенной группы правонарушений тех лет – преступлений против собственности частных лиц (с акцентом на кражи и грабежи). Детальное изучение по материалам региональной прессы второй по популярности группы правонарушений – преступлений и проступков против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (преступления против личности) запланировано во второй части работы.

² См. подробнее об историографии проблемы модернизации, ее разновидностях: *Максимова И.В.* Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации конца XIX – начала XX века (культурологический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. С. 12–18.

³ См. об этом: *Смирнов М.А.* Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006. С. 46–65; *Бушуева С.А.* Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 29–77; *Морюшкин С.И.* Преступность и борьба с ней в пореформенной России: на материалах Рязанской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009. С. 40–125; и др.

взаимосвязи с иными формами девиантного поведения (пьянство, проституция и пр.)⁴. При этом под преступностью, как правило, понимается относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, разновидность девиантности, достигшей степени общественной опасности, определяемой уголовным законом⁵.

В-третьих, говоря о степени разработанности проблемы на региональном уровне применительно к исследуемому периоду, следует констатировать ее недостаточную изученность; имеющиеся работы по-прежнему малочисленны. Так, перспективные наблюдения и выводы содержатся в кандидатской диссертации самарского историка Ю.А. Рогач, второй параграф третьей главы которой посвящен раскрытию специфики девиантного поведения в ряде городов Самаро-Саратовского Поволжья. Автор полагает, что в пореформенный период в городах региона наблюдался рост преступности, проституции, потребления населением алкогольных напитков и других проявлений социальных девиаций, что соответствовало общероссийской тенденции, будучи закономерным явлением в условиях перехода к новой системе социально-экономических отношений и внедрения в традиционное сознание буржуазных норм мышления и поведения. При этом уровень распространения девиантного поведения был выше в губернских городах Самаре и Саратове, поскольку именно они служили местом средоточения большого количества пришлых людей, оторвавшихся от привычного для них уклада жизни⁶. Также в заданном ракурсе необходимо выделить исследования волгоградских авторов А.С. Суховой, И.Г. Селезневой, стремящихся раскрыть специфику женских девиаций в Царицыне в конце XIX – начале XX в. сквозь призму концепций девиантного поведения и гендерного подхода⁷.

Определенный интерес представляет монография А.В. Лобанова, О.В. Кузнецова, посвященная истории становления саратовских губернских и городских полицейских учреждений с момента их возникновения вплоть до 1917 г. Авторы, обращаясь к теме борьбы местной полиции с общеуголовной преступностью, подчеркивают, что преступность начала XX в. не знала социальных, возрастных, религиозных границ⁸.

⁴ См., напр.: *Зоткина Н.А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. С. 52–119; *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. С. 150–207; *Рогач Ю.А.* Социокультурное пространство городов Самаро-Саратовского Поволжья в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. С. 163–190; *Жеребчиков Д.П.* Городское население Тамбовской губернии в период модернизации: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. С. 108–157; и др.

⁵ См., напр.: *Панин С.Е.* Указ. соч. С. 12.

⁶ См. об этом: *Рогач Ю.А.* Указ. соч. С. 163–190.

⁷ См., напр.: *Сухова А.С.* Девиантное поведение в Царицыне конца XIX – начала XX в.: гендерный подход: монография / А.С. Сухова, И.Г. Селезнева. Волгоград, 2015. С. 38–64.

⁸ *Лобанов А.В.* История полиции Саратовской губернии: [монография] / А.В. Лобанов, О.В. Кузнецов. Саратов, 2010. С. 144.

Данный, во многом декларативный тезис, по нашему убеждению, нуждается в дальнейшем обосновании.

В работах историка И.В. Максимовой пристальное внимание уделяется изучению криминальной ситуации в уездном городе Царицыне и по Саратовской губернии в целом. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в целом на криминальную обстановку в Саратовской губернии оказывали влияние социально-экономические и геополитические факторы, в частности, традиции «понизовой вольницы», острота аграрного вопроса, активизация миграционных процессов, низкий уровень культуры значительной части населения⁹. Привлекая разноплановые материалы, включая региональную прессу, автор убедительно показывает, что неофициальное наименование «Русский Чикаго» Царицын получил не только за ускоренный демографический и экономический рост, но и за разгул преступности. Этому в немалой степени способствовали местные хулиганы – «духовые», с завидным постоянством наводившие страх на обывателей¹⁰. В то же время обращение к зарубежным концепциям и сопоставление статистических данных позволило исследователю с некоторой долей условности отнести губернский город Саратов, уездные города Царицын, Вольск к особой категории «города мигрантов» (Д.Р. Броуэр), в которых более половины жителей составляли неместные уроженцы, ставшие носителями маргинальной культуры¹¹. Данное обстоятельство оказывало существенное негативное влияние на криминогенную ситуацию в крупных городах, ведь мигранты-маргиналы, в массе своей выходцы из крестьянского сословия, намного легче подпадали под влияние криминального мира.

Настоящая статья выступает логичным продолжением многолетних авторских изысканий и призвана частично восполнить выявленные пробелы в региональной историографии, приоткрыв завесу над богатым криминальным прошлым «столицы Поволжья»¹². Целью работы является изучение на материалах региональной прессы наиболее распространенных криминальных практик в повседневной действительности губернского города Саратова в начале 1910-х гг.

⁹ См. об этом: *Максимова И.В.* Криминальная ситуация в Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2014. С. 271–275.

¹⁰ См. об этом: *Ее же.* «Мы, балканские отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов: сб. науч. трудов. Волгоград, 2018. С. 166–174.

¹¹ *Ее же.* Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации конца XIX – начала XX века (культурологический аспект). С. 40–41, 70.

¹² Неофициальное наименование г. Саратова, часто встречающееся в источниках последней трети XIX – начала XX в. См. об этом: *Зайцев М.В.* Об истоках, условиях формирования и путях распространения неофициального статуса «столицы Поволжья» применительно к Саратову // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 430-летию Саратова. Саратов, 2020. С. 116–134.

Основную источниковую базу исследования составляют многоплановые материалы двух крупнейших местных газет – «Саратовский вестник» и «Саратовский листок» за 1910–1913 гг., впервые вводимые в научный оборот¹³. Преобладающая часть номеров данных изданий за обозначенные года не так давно были оцифрованы и размещены в открытом доступе на платформе Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич, что, безусловно, значительно расширило исследовательские возможности для их использования¹⁴.

Подобное внимание к региональной прессе в рамках выбранной темы оправдано хотя бы потому, что для городских обывателей наряду с людской молвой именно газетная периодика служила главным источником информации о различного рода преступлениях. Так, постоянная рубрика «Хроника» с завидной регулярностью завершалась сообщениями об имевших место происшествиях, среди которых чаще всего фигурировали кражи, грабежи, самоубийства (самоотравления), несчастные случаи, нанесение ран, убийства, а также случаи подброса младенцев, поджога, мошенничества¹⁵. Характерно, что помимо простой констатации свершившихся преступлений, что роднит приводимые данные с архивными ведомостями о происшествиях¹⁶, материалы периодики нередко позволяют взглянуть на проблему преступности глубже, оперируя свидетельствами и оценками современников, отложившихся в иных рубриках и специальных статьях на злобу дня.

Сделанное наблюдение обусловлено самой спецификой данного вида источника. К отличительным чертам прессы обычно относят периодичность и оперативность опубликования информации; многоплановость (комплексность) содержания, выражающуюся в объединении текстов, различных по жанру, происхождению, разновидностям; выполнение задач информирования общества и воздействия на массовое сознание; формирование мнений и стереотипов мышления. Неслучайно исследователи склонны подчеркивать, по сути, информационную неисчерпаемость периодической печати,

¹³ С общей информацией, связанной с историей становления и развития газет «Саратовский листок» и «Саратовский вестник» можно ознакомиться, напр.: *Тушканов Д.И.* Отражение в провинциальной периодической печати социокультурных процессов конца XIX – начала XX в.: на примере Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. С. 67–70, 93–94.

¹⁴ См. об этом: Газеты (электронные версии газет) / Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич // Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского: [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/znbsgu/gazety-elektronnye-versii-gazet> (дата обращения: 30.03.2021).

¹⁵ Замечено при работе с электронными версиями газет: Саратовский вестник: [ежедневная общественно-политическая газета]. Саратов, 1910 (1 января) – 1913 (29 декабря) // Зональная научная библиотека имени В.А. Артисевич. URL: http://library.sgu.ru/calendar_sv/ (дата обращения: 30.03.2021); Саратовский листок: [газ. полит., обществ. и лит.]. Саратов, 1910 (21 февраля) – 1913 (31 декабря) // Там же. URL: http://library.sgu.ru/calendar_sl/ (дата обращения: 30.03.2021). Здесь указаны полные выходные данные и ссылки доступа, далее формат подачи – *Наименование газеты. Год издания. Дата выхода. Номер цитируемой страницы.*

¹⁶ В Государственном архиве Саратовской области (далее – ГАСО) в фонде 1 «Канцелярия Саратовского губернатора» хранятся специальные ведомости о происшествиях по городам и уездам Саратовской губернии за ограниченный период времени с шаблонной структурой подачи материала. См., напр.: Сведения о происшествиях в гор. Саратове [1913] // ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9031, 9032, 9033, 9035, 9052.

но при этом предупреждают о необходимости учитывать субъективный характер содержащихся в ней материалов, которые требуют критического осмысления и сопоставления с другими источниками¹⁷. В виду этих соображений в ходе проведения исследования мы привлекали и иные, относительно близкие по годам и доступные источниковые материалы, позволяющие лучше понять специфику криминальной жизни крупного поволжского города до революции.

О Саратове и саратовцах...

К началу XX в. Саратов значительно упрочил свое положение среди российских городов, настойчиво позиционируя себя как «столица Поволжья». Однако многие современники, безоговорочно признавая его возросшее торгово-промышленное значение, достаточно критично подходили к оцениванию социокультурного облика города. Например, в местных путеводителях подчеркивалось: «По образованию и воспитанию к числу передовых городов России Саратов отнести нельзя. Понизовая вольница здесь еще чувствуется». Далее читаем: «Саратовца всегда можно отличить от жителей других губерний в особенности верховых. Саратовец не привык спрашивать, он привык указывать. Саратовец заметен и на пароходе, и на железной дороге»¹⁸. Отмеченная особенность важна для понимания особого менталитета поволжского жителя, к «видовым признакам» которого долгое время относили «настоящую грубость» и «натуральную дерзость»¹⁹.

Являясь крупным транспортным, торговым и промышленным центром юго-востока европейской части России, а также в силу губернского статуса Саратов, как магнит, притягивал пришлое население, большую часть которого представляло т. н. «сердитое нищенство»²⁰, в поисках заработков и лучшей доли. Так, по данным на 1911 г., жителей в Саратове насчитывалось до 218 тысяч человек²¹, что составляло чуть более 40% от общей численности городского населения Саратовской губернии²².

Сопоставление данных об общем количестве жителей города по Первой всероссийской переписи 1897 г. и по переписи 1916 г. позволило И.Н. Кокшайскому

¹⁷ См. об этом: *Максимова И.В.* Региональная пресса как источник по истории повседневности дореволюционного русского города (к постановке проблемы) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 ч. Томск, 2019. Ч. 2. С. 278, 280.

¹⁸ *Весь Саратов: адрес-календарь-указ. Саратов, 1911.* С. 50.

¹⁹ См. об этом: *Максимова И.В.* Образ Саратовского Поволжья как приюта «понизовой вольницы» в дореволюционной литературе // История и археология. 2015. № 4 (24). С. 6–12. URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2017> (дата обращения: 30.03.2021).

²⁰ Термин, введенный еще в 1880-х гг. писателем Г. Успенским для обозначения сельских бедняков, разорившихся крестьян, вынужденных искать средства пропитания вне родных деревень. Именно «сердитое нищенство», на наш взгляд, составило основу для появления такого феномена, как «город мигрантов».

²¹ *Весь Саратов: адрес-календарь-указ.* С. 49.

²² Рассчитано с использованием данных: Статистический обзор Саратовской губернии за 1911 год. Саратов, 1912. С. 9.

установить, что за 19 лет население Саратова увеличилось на 69,3% почти исключительно за счет притока населения со стороны, а не путем естественного прироста²³. В работе уже современного автора Е.В.Ивановой, отталкивающейся от сведений, приведенных в предыдущем исследовании, отмечалось, что наблюдаемый постоянный приток мигрантов негативно влиял на благосостояние представителей низших слоев Саратова. Пришлое население бралось за любую работу, получало гроши, не имело постоянного места жительства. Одновременно приток чернорабочих приводил к понижению заработной платы, к обеднению большей части городской массы и к ухудшению санитарных условий городской жизни²⁴. Развивая сделанные выводы, можно констатировать, что в Саратове, как и в большинстве крупных городов Российской империи, шел активный процесс формирования криминальной среды прежде всего за счет притока пришлого населения, «чужаков», которые, как правило, селились в окраинных, «разбойничьих» поселках.

В целом Саратов, как в социально-бытовом, так и в культурном плане выступал ярким примером «города контрастов», производившего на современников двойное впечатление. Так, в заметке «Чего хотят окраинные избиратели» некто Л. М. (псевдоним Л.Т. Мизякина)²⁵ описывал печальные результаты одностороннего преобладания центра. Автор подчеркивал: «Саратов между оврагами и Саратов дальше оврагов во всех отношениях представляют крайнюю противоположность. В центре сгруппировано все благоустройство, вся культура, какими только может щегольнуть город: тут недурные, а местами хорошие мостовые, электричество, канализация, два театра, все средние и всякие другие учебные заведения, библиотеки, аудитория, торговля, общественные учреждения и проч.». Далее читаем: «Но стоит перешагнуть в овраги и за овраги – картина поразительно меняется. Вы точно в другой земле: ни сообщения, ни освещения, ни школ, ни торговли, ни культуры. Грязь, нищета, заброшенность»²⁶. В еще одной заметке, также приуроченной к проведению выборов в Саратове, отмечалась «резкая грань», будто проведенная между окраинами и центром: «Наши окраины – это какие-то парии, для которых не существует никаких городских удобств и благоустройства, которые осуждены тонуть в грязи, мраке и погибать от повальных болезней»²⁷.

Примечательно, что даже в пределах относительно благополучного центра контрастность городской жизни сохранялась. Для местных жителей и приезжих в порядке вещей было наблюдать следующую картину, воссозданную в маленьком фельетоне некоего Диеза «Столица Поволжья. С натуры»:

²³ См. об этом: *Кокшайский И.Н.* Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведенной в 1916 году. Саратов, 1916. С. 20.

²⁴ *Иванова Е.В.* Изменения численности и состава населения города Саратова в конце XIX – начале XX в. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 63–64.

²⁵ ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов»: [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/o.htm> (дата обращения: 30.03.2021).

²⁶ Саратовский листок. 1913. 16 февраля. С. 3.

²⁷ Там же. 27 февраля. С. 2.

Блещет пышный театр, ярко отсвет дрожит
На сверкающих полосах снега...
Чу... Мелодия грустной волною бежит, –
Сердце щемит печальная нега,
И, чарующим звукам отдавшись во власть,
Крепко стиснув от ярости зубы, –
Двое пьяных стремятся друг другу попасть
Под микитки, в салазки и губы...
Вот один помянул супротивника мать, –
Даже взвизгнула встречная дама.
– «Я тебе докажу» – и сцепились опять
Наши граждане в схватке упрямо...²⁸

Для лучшего понимания темы отметим, что город до революции делился на шесть полицейских участков, охватывающих слишком обширные территории, отличавшиеся неравномерной заселенностью²⁹. Вполне обоснованно, что при проведении переписи населения Саратова и его пригородов в 1916 г. полицейские участки были поделены на переписные районы, благодаря указанию их четких границ мы можем более точно определить административную принадлежность основных улиц и местностей города³⁰. Из городских окраин Саратова, по подсчетам И.Н. Кокшайского, наиболее тесно заселенными были «Горы» (4-й полицейский участок), где на 1000 квадратных саженей приходилось почти 40 человек жителей³¹. Показательны сделанные автором наблюдения по расселению различных социальных групп по территории города. Так, наибольший процент рабочего населения проживал в пригородах на «Горах», а также на окраине к Улешам, на горах к Затону, на окраине к Монастырской слободе³².

Осуществленный нами комплексный анализ материалов региональной прессы свидетельствует, что именно местность «Горы» и улицы, на ней расположенные, поставляли весомую долю сообщений к криминальной хронике Саратова. Среди них выделялись улицы Рождественская, Приютская и Никольская. Кроме того, на страницах газет при описании различного рода происшествий не менее часто упоминались улицы, относящиеся к 6-му полицейскому участку – Большая Горная, Ильинская, Камышинская, Астраханская, Большая Казачья и др. Нередко в криминальных сводках фигурировали улица Цыганская и местность Верхний Базар, расположенные в пределах 3-го полицейского участка. К криминальным местам Саратова можно в целом отнести печально известный Глебучев овраг, пересекавший город в границах нескольких полицейских участков, подходя достаточно близко к его центральным улицам. Густо заселенный

²⁸ Саратовский вестник. 1912. 23 ноября. С. 3.

²⁹ См. об этом: Весь Саратов: адрес-календарь-указ. С. 15; Кокшайский И.Н. Указ. соч. С. 9–10.

³⁰ Кокшайский И.Н. Указ. соч. С. 11, б/с.

³¹ Там же. С. 10.

³² См. об этом: Там же. С. 16–17.

городскою беднотою, он вполне резонно описывался журналистами как гиблое место, «язва растущая», «...зловонная яма, в которой ютится вопиющая нужда...»³³.

Преступления как нечто «обыденное»

Состояние народной нравственности в дореволюционной России на официальном уровне, как правило, выражалась сведениями о числе и роде преступлений. Согласно статистическим данным по Саратовской губернии за 1911 г., среди преступлений и проступков по отдельным родам по отношению к общему числу правонарушений 52,2% составляли преступления против собственности частных лиц. Далее по степени распространения выделялись преступления и проступки против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (16,8%), против порядка управления (11,6%), по службе государственной и общественной (9,5%), против Священной особы Государя Императора и членов Императорского Дома (3,1%), против общественного благоустройства и благочиния (2,4%), против имущества и доходов казны (2,1%), против веры (2,0%), прочие преступные деяния (0,3%)³⁴. Озвученные процентные соотношения для губернии с некоторой долей условности применимы и к ее административному центру – Саратову. При этом в материалах прессы в основном освещались правонарушения первых двух групп, а также преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния, под категорию которых зачастую попадали различные хулиганские действия.

Официальная статистика свидетельствует, что наибольшее количество преступлений совершали мужчины трудоспособного возраста. Так, по тем же сведениям за 1911 г., мужская преступность составляла 96,1%, а женская – 3,9%³⁵. По сословиям наибольшее количество преступлений совершали крестьяне (83,4%), далее шли мещане (12,5%)³⁶. Представленные данные легко объяснимы. Крестьяне традиционно являлись основным населением губернии; при абсолютном доминировании в сельской местности их численность в городах оставалась весьма существенной. В свою очередь базовым городским податным сословием выступало мещанство, занимавшее по численности населения в стране второе место после крестьянства.

Показательно, что весомая часть правонарушений, как из городской, так и из сельской криминальных хроник, совершалась в состоянии алкогольного опьянения. Неслучайно в работах специалистов в данной области довольно часто используются словосочетания «пьяная» преступность, «пьяные» преступления, которые играли и продолжают играть важную роль в обострении криминогенной ситуации в России и в мире³⁷. Одновременно еще современники развивали идею о тлетворном влиянии городской среды, полагая, что

³³ См., напр.: Саратовский вестник. 1913. 16 января. С. 2; Саратовский листок. 1913. 27 февраля. С. 2.

³⁴ См. об этом: Статистический обзор Саратовской губернии за 1911 год. С. 20.

³⁵ Рассчитано по: Статистический обзор Саратовской губернии за 1911 год. С. 20.

³⁶ Там же. С. 20.

³⁷ См., напр.: Панин С.Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102.

уровень преступности во многом зависит от интенсивности протекания общественной жизни, при этом, по убеждению М. Горького, «...всегда порочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порочного человека деревни»³⁸.

В выбранном ракурсе раскрытия темы особый интерес вызывает заметка с говорящим названием «Обыденное» Звонаря (псевдоним В.Н. Стечкина)³⁹, размещенная в рубрике «Уездная жизнь». Сделанные в ней наблюдения с одинаковым успехом, а в чем-то в большей степени, относятся и к «столице Поволжья». Перед нами, хотя и в довольно экспрессивной манере, раскрывается общероссийская тенденция усиления влияния преступности на повседневную жизнь обывателей. «Караул! Режут! Бьют!!», – восклицает Звонарь, открывая свои размышления на злобу дня. Далее читаем: «Эти вопли, раздающиеся особенно громко в праздники, стали настолько обыденным явлением, что нужно что-нибудь “сверх-ужасное”, чтобы привлечь к себе общее внимание, а “мелочей” вроде единичных кровопусканий “по пьяному делу”, и “по семейному делу”, и с “корыстной целью”, и “без оной” столько, что за ними нечего ходить в люди, за околицу, ибо и своих, под боком, сколько угодно». Подкрепляя высказанные мысли примерами из уездной жизни, автор вспоминает и тяжелую бабскую долю, и дикую потеху кулачных боев... Его выводы на наблюдаемые процессы «одичания» части населения в качестве «бытового явления» окружающей действительности неутешительны: «Кто сильнее – тот избивает, насилует, грабит... Кто слабее – оглашает окрестность беспомощными отчаянными криками: “караул!”»; «Жизнь – копейка, своя и чужая!»⁴⁰. Признавая низкую эффективность борьбы с «одичалыми» старозаветной кутузкой и «изъятием порочных членов», в завершение статьи журналист предлагает: «Уж не попробовать ли им и впрямь прививать культуру?...»⁴¹. Заданный, несомненно, актуальный вопрос, так и остался риторическим.

О кражах, грабежах и разбоях

Наиболее распространенными преступлениями против собственности частных лиц исторически являются кража, далее следуют грабеж и разбой. В основе выделения данных видов преступлений лежит способ завладения чужим имуществом. Если под кражей подразумевают тайное хищение чужого имущества, то грабеж и разбой связаны с его открытым присвоением, при этом в первом случае речь идет о хищении без применения насилия, а во втором – о нападении в целях изъятия имущества, сопровождающемся угрозой насилия или применением насилия⁴². Интересно, что в дореволюционном российском законодательстве долгое время не проводили четкой дифференциации между разбоем и грабежом, рассматривая их как одно преступление. И хотя в уголовном

³⁸ Цит. по: Максимова И.В. Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации конца XIX – начала XX века (культурологический аспект). С. 55.

³⁹ ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов».

⁴⁰ Саратовский вестник. 1913. 6 января. С. 4.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² См. об этом: Криминалистика: учебник / под ред. Л.В. Бертовского. М., 2018. С. 822–827.

законодательстве XIX в. разбой вновь приобрел свою самостоятельность как отдельный состав преступления, простые люди в массе своей не вникали в эти юридические тонкости, упрощенно называя грабежом нападение, осуществленное как с насилием, так и без него. В материалах региональной прессы отложилось именно такое видение ситуации: понятия «грабеж» и «разбой» не разводились между собою, а последний термин практически не использовался.

С учетом многочисленности упоминаний о кражах, без которых не обходился ни один газетный номер, и в то же время их типичности мы попытались систематизировать привлекаемый массив информации. Это позволило не заострять внимание на дословном цитировании, что в заданном контексте не представляет особой научной ценности, в отличие от попытки свести воедино разрозненные данные о самом массовом виде преступления. Сообщения о кражах, как и о большинстве иных правонарушений, обычно размещались в конце рубрики «Хроника», однако некоторые издатели считали целесообразным вынесение их в отдельную рубрику – «Происшествия по городу» или просто «Происшествия». Такие рубрики, например, встречаются в номерах газеты «Саратовский листок» за 1910 – частично 1911 г.

Чтобы отделить кражи от иных происшествий, прибегали к подрубрикам или подзаголовкам. На постоянной основе в газете «Саратовский вестник» выходила в рамках рубрики «Хроника» подрубрика «Кражи», в которой за один раз в среднем перечислялось от 6 до 8 различных краж, включая квартирные. Для достижения большей конкретики в газетах активно использовались подзаголовки, отличавшиеся шаблонным способом образования. Журналисты при выборе подходящего названия чаще всего учитывали следующие возможные составляющие: 1) место совершения хищения (например, подзаголовки «Кража из магазина», «Кража из лавки», «Кража в трактире», «Кража в чайной», «Кража на базаре», «Кража в трамвае», «Кража в бане», «Кража в номерах», «Кража на почте», «Кража в театре», «Кража в церкви», «Кража на вокзале», «Кражи на дачах»); 2) предмет хищения (подзаголовки «Кража кур», «Кража голубей», «Кража осетров», «Кража яблок», «Кража часов», «Кража благотворительной кружки», «Кража сберегательной книжки» и т. п.); 3) размер или характер кражи (подзаголовки «Крупная кража», «Мелкие кражи»; «Кража ценных вещей», «Дерзкая кража», «Ловкая кража»); 4) личность потерпевшего (подзаголовки «Кража у артиста», «Кража у мужа», «Кража у жены» и пр.).

Проведенный анализ региональной периодики свидетельствует, что предметами хищений, как правило, являлись денежные средства и небольшие дорогостоящие вещи (например, изделия из золота, карманные часы, портсигары и т. д.). Широкое распространение, особенно в осенне-зимний период, получили кражи различных предметов одежды, преимущественно верхней (шуб, тулупов, накидок, пальто и т. п.). Весомую долю хищений составляли кражи сельскохозяйственных животных (лошадей, породистых кур и пр.), продуктов питания (от яблок и рыбы до окороков с колбасой), а также предметов домашнего обихода (различные столовые приборы, полотенца, скатерти и др.). При этом география краж, даже исходя из перечисленных в подзаголовках основных

мест совершения преступлений, была довольно широка, охватывая как социально неблагонадежные окраины, так и центральные улицы города⁴³. Вполне типичным при перечислении хищений было следующее соседство: «Совершены кражи: 1) у А.И. Мамонова, проезжавшего на трамвае по Московской ул. от Старого собора неизвестно кем из кармана украден портсигар в 12 р.; 2) у содержателя прачечной на Большой Казачьей ул. Л.И. Куш украдено из мастерской разного белья на 20 р. <...>; 3) у содержателя постоянного двора на Часовенной ул. в д. Бугрова, Савинова со взломом всякого замка у дверей чулана украдено разных вещей на 26 руб.»⁴⁴.

В эпизодической рубрике «Записки наблюдателя» О.П. Богданова (псевдоним – Наблюдатель)⁴⁵, сокрушаясь по поводу кражи собственной записной книжки при входе в вагон трамвая, оставила любопытную характеристику порядков, царивших среди обывателей, играющих на руку карманникам. Автор отмечал: «“Неизвестный” воспользовался, – конечно, не в первый и, во всяком случае, не в последний раз, нравами местной публики, которая везде и при всяком случае готова устроить драку: будь то на вокзале или у театральной кассы, при входе в храм и у алтарей – во время самого причастия. Чтобы выгадать копейку на билет или хоть минуту времени, люди перестают быть людьми, – тискают, ломают друг другу ребра»⁴⁶.

С другой стороны, карманные хищения и иные правонарушения зачастую провоцировали сами потерпевшие, находясь в состоянии опьянения. Городская криминальная хроника знала немало случаев, подобных приведенным ниже. Так, в подрубрике «Кражи» среди прочих сообщалось: «3) На углу Ильинской и Соколовой ул. во время сна в пьяном виде на улице у Г. Кириллова из пиджака неизвестно кем похищен кошелек с 164 р.»⁴⁷. В заметке с характерным названием «Покутил» рассказывалось о проживавшем на Казачьей улице М.И. Иванове, обратившемся 13 февраля 1913 г. с заявлением в полицию. За два дня до этого мужчина сидел и пил водку в трактире Дроздова на Митрофаньевском базаре. Здесь к нему подсел неизвестный человек, пригласивший к себе в гости. Там распитие водки продолжилось, вплоть до потери сознания незадачливого кутилы. Иванов очнулся в чужом дворе, без шубы и часов; общая стоимость украденных вещей составила 130 рублей⁴⁸.

Помимо обозначения фактов совершения имущественных преступлений, в рубрике «Хроника» можно встретить сообщения с разной степенью подробности проливающие свет на личности преступников. Речь идет о заметках с типовыми подзаголовками «Аресты», «Арест воров», «Задержанные воров», «Задержание воров» и т. п. Иногда, как и в случае с сообщениями о кражах, происходила конкретизация подзаголовков, только уже за счет

⁴³ Среди центральных и наиболее благоустроенных саратовских улиц выделялись улицы Московская и Немецкая (ныне – проспект Кирова), последняя из которых считалась «Невским проспектом» Саратова.

⁴⁴ Саратовский листок. 1912. 1 июля. С. 4.

⁴⁵ ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов».

⁴⁶ Саратовский листок. 1912. 29 марта. С. 4.

⁴⁷ Там же. 1 мая. С. 4.

⁴⁸ Саратовский вестник. 1913. 15 февраля. С. 3.

указания специализации преступников, например, «Арест городушниц⁴⁹», «Арест громил⁵⁰», «Арест сбытчиков фальшивых монет», «Арест фальшивомонетчиков», «Арест конокрада», «Арест голубятников», «Арест афериста». К данному типу сообщений примыкают заметки, посвященные различным категориям воров – «Магазинные воровки», «Малолетние воры», «Курокрады», «Аферисты» и пр.

Важно отметить, что далеко не всегда кражи совершали профессиональные воры. Субъектами краж могли выступать прислуга и иные работники, исполнявшие трудовые обязанности по отношению к потерпевшим. Например, в заметке с говорящим названием «Кража для приданого» речь шла о предприимчивой 16-летней прислуге М.П. Мишиной, обчистившей квартиру хозяев, пока те ходили по гостям⁵¹. В уже процитированном сообщении о краже разного белья у содержателя прачечной воровкой оказалась его поденная мастерица Феофанова, быстро снесшая краденое в бакалейную лавку⁵². Некоторых на преступления толкала неприкрытая нужда. К примеру, ночлежник М.И. Геркунов совершил кражу окорока ветчины из колбасной лавки Н.П. Прохорова по Немецкой улице, но практически сразу был задержан в ночлежной на углу Часовенной и Малой Сергиевской улиц⁵³.

Среди обывателей, особенно представителей городской бедноты, нередко были кражи у ближайшего окружения. Так, в заметке «Свой вор» сообщалось, что у И.Н. Крылова, жившего в Глебучевом овраге, сожительница Татьяна Тараканова украла разных вещей на сумму 30 рублей; задержанная женщина в краже созналась⁵⁴. В другой заметке «Кража у жены» вырисовывалась безрадостная картина из жизни простой семьи. Мещанка Хлебникова, проживающая на Камышинской улице в доме Маслова, заявила полиции, что от нее скрылся муж, похитив золотые часы, стоявшие 25 рублей. Хлебников был задержан полицией в трактире «Центральный ресторан»; часы он продал Л. Чехонину за 10 рублей, а вырученные деньги пропил⁵⁵. В еще одной заметке «Вор-сын» констатировалось: «22 мая у проживающего в Глебучевом овраге в доме Сатеева, М. Диникаева неизвестно куда скрылся его 18-летний сын, захвативший с собой вещи и деньги»⁵⁶.

На страницах прессы, хотя и значительно реже, чем о кражах, встречались сообщения о грабежах, осуществленных как с применением насилия, так и без него. Информация о разбойных нападениях и ограблениях выходила под заголовками «Грабеж», «Грабители»,

⁴⁹ Магазинные воры, крадущие с прилавка при мнимой покупке товара. См., напр.: Саратовский вестник. 1912. 3 марта. С. 3; Саратовский листок. 1912. 3 марта. С. 3.

⁵⁰ Воры, производящие кражи со взломом (взломщики). См., напр.: Саратовский вестник. 1910. 14 сентября. С. 4; Там же. 1912. 10 января. С. 4.

⁵¹ См. об этом: Саратовский листок. 1913. 16 января. С. 2.

⁵² Там же. 1912. 1 июля. С. 4.

⁵³ Саратовский вестник. 1912. 28 февраля. С. 4.

⁵⁴ Там же. 1910. 21 сентября. С. 3.

⁵⁵ Саратовский листок. 1911. 17 ноября. С. 4.

⁵⁶ Там же. 1912. 25 мая. С. 4.

«Избиение и грабеж», «Грабеж в трактире» и т. п. Следует указать, что наибольшее распространение среди них имели правонарушения, направленные против отдельных лиц, поэтому добычей грабителей обычно становились незначительные суммы денег, предметы одежды, мелкие ценности. Такие преступления происходили на улицах Саратова чаще всего в вечернее время и совершались группой лиц в количестве двух-четырех человек. Рассмотрим несколько примеров, ярко иллюстрирующих сделанные наблюдения. В заметке «Грабители» рассказывалось о происшествии, случившемся с приезжим из Тамбовской губернии И.К. Каревым, остановившимся на постоялом дворе. Вечером 11 сентября 1910 г. потерпевший отправился к своим знакомым, но на углу Гоголевской и Александровской улиц на него неожиданно напали двое неизвестных мужчин и одна женщина, схватили его за горло и стали душить. После того, как женщина выхватила у Карева из кармана кисет с 22 рублями, грабители скрылись в ночной темноте. Полиция установила, что на углу этих улиц в последнее время было совершено несколько подобных грабежей, причем преступники всегда исчезали бесследно⁵⁷. Еще один характерный случай, описанный в заметке «Насилие с грабежом», произошел почти восемь лет назад, но всплыл в связи с поимкой одного из грабителей – мещанина С. Золотарева, оказавшегося злостным рецидивистом. 26 марта 1905 г. на Цыганской улице близ чайной Питаевского на пьяного старика Иванова напало несколько человек. После удара кулаком по голове потерпевший лишился сознания, очнулся лишь в приюте алкоголиков, куда его доставили прохожие, тут же обнаружив у себя пропажу кошелька с 12 рублями. Любопытно, что на момент задержания по данному делу в конце 1912 г. С. Золотарев успел с 1905 г. четыре раза судиться и отбыть тюремное наказание. Поэтому вынесенный приговор суда – 4 года в арестантских исправительных отделениях – был для него вполне привычен, составляя прозу грабительской жизни⁵⁸.

Ограбления и разбои могли также происходить и днем или ранним вечером, тогда местом их совершения, как правило, выступал городской базар. Например, днем 28 июня 1912 г. владелец собственного дома З.И. Кожевников, сидя между городскими корпусами № 6 и 7 на Верхнем базаре возле торговых столиков, начал пересчитывать имеющиеся деньги, положив их на колени. В это время к нему подошли двое мужчин, один из которых стал просить у Кожевникова на водку, но получил отказ. Тогда один из неизвестных схватил потерпевшего за грудь, а другой выхватил у него с колена 12 рублей, после чего грабители убежали⁵⁹. В другой заметке, вышедшей под аналогичным заголовком «Грабежи», сообщалось о саратовской мещанке И.Г. Ефремовой, подошедшей вечером к городскому корпусу на Верхнем базаре. Молодой грабитель, неожиданно выскочивший из-за лавок, сорвал с нее дамские часы и бесследно скрылся⁶⁰.

⁵⁷ Саратовский вестник. 1910. 14 сентября. С. 4.

⁵⁸ См. об этом: Там же. 1913. 31 января. С. 4.

⁵⁹ Саратовский листок. 1912. 1 июля. С. 4.

⁶⁰ Саратовский вестник. 1911. 30 августа. С. 4.

Рассмотрев более подробно по газетным сообщениям такие разновидности имущественных преступлений, как кражи и грабежи, необходимо отметить, что только ими преступления против собственности частных лиц отнюдь не ограничивались. В материалах периодики отложилось достаточное количество примеров совершения растрат, подлогов и присвоений чужого имущества, умышленных поджогов ради выгоды, проворачивания иных мошеннических схем, но это совсем другая история.

Продолжение следует...